

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С17

Серия «Всемирная библиотека поэзии»
Художественное оформление *А. Саукова*
Фотография на переплете из семейного архива
Д. Самойлова

Серия «Золотая серия поэзии»
Художественное оформление *Н. Ярусовой*

Самойлов, Давид Самуилович.
С17 Стихотворения / Давид Самойлов. — Москва :
Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-105157-0 (Всемирная библиотека поэзии)
ISBN 978-5-04-105159-4 (Золотая серия поэзии)

Эта книга — наиболее полное собрание стихотворений и поэм Давида Самойлова, в которую включены лучшие стихи из разных сборников поэта и известные поэмы. Стихотворения, подвергшиеся цензуре в советское время, восстановлены в первоначальном варианте. Ступенно-метафорический стиль поэта соединяет в себе высокое и бытовое; интонационно богатый стих мелодичен, верен классическим традициям.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-105157-0
ISBN 978-5-04-105159-4

© Самойлов Д. С., наследники, 2018
© Давыдов А. Д., состав, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Стихотворения

РАННИЕ СТИХИ (1938 — 1957)

ПЛОТНИКИ...

Плотники о плаху притупили топоры.
Им не вешать, им не плакать — сколотили наскоро.
Сшибли кружки с горьким пивом горожане, школяры.
Толки шли в трактире «Перстень короля Гренадского».

Краснорожие солдаты обнимались с девками,
Хохотали над ужимками бродяги-горбуна,
Городские стражи строже потрясали древками,
Чаще чокались, желая мяса и вина.

Облака и башни были выпуклы и грубы,
Будет чем повеселиться палачу и виселице!
Геральдические львы над воротами дули в трубы.
«Три часа осталось жить — экая бессмыслица!»

Он был смел или беспечен: «И в аду не только черти!
На земле пожилы — что же! — попадем на небеса!
Уходи, монах, пожалуйста, не говори о смерти,
Если — экая бессмыслица! — осталось три часа!»

Плотники о плаху притупили топоры.
На ярмарочной площади крикнули глашатаи.
Потянулись солдаты, горожане, школяры,
Женщины, подростки и торговцы бородатые.

Дернули колокола. Приказали расступиться.
Голова тяжелая висела, как свинчатка.
Шел палач, закрытый маской, — чтоб не устыдиться,
Чтобы не испачкаться — в кожаных перчатках.

Посмотрите, молодцы! Поглядите, голубицы!
(Коло-тили, коло-тили в телеса колоколов.)
Душегуб голубоглазый, безбородый — и убийца,
Убегавший из-под стражи, сторожей переколов.

Он был смел или беспечен. Поглядел лишь на небо.
И не слышал, что монах ему твердил об ерунде.
«До свиданья, други!
Может быть, и встретимся когда-нибудь:
Будем жариться у черта на одной сковороде!»

Май 1938

ПАСТУХ В ЧУВАШИИ

Глухой хрипун, седой молчальник
Из-за коряг следил луну.
Вокруг стоял сухой кустарник,
Жевали совы белену.
И странны, как рога оленьи,
Валялись корни в отдаленье.
На холод озерных зеркал
Туман влачил свои полотна.
Здесь мир первичный возникал
Из глины и куги болотной.
...И, звезд питаюсь млечным соком,
Сидел он, молчалив, как окунь.

Как дым, кипели комары
В котле огромной лихорадки.

За косогоры падали миры.
И все здесь было в беспорядке.

Я подошел к огню костра.
— А сколько будет до кордона? —
Глаза лениво и бездонно
Глядели из болотных трав.
Он был божественный язычник
Из глины, выжженной в огне.
Он на коров прикрикнул зычно,
И эхо пело в стороне...
Я подражал «Цыганам» Пушкина
До третьих петухов.

Потом достигла речь кукушкина
Светлевших перьев облаков.
Коровы сбились в теплый ком,
Следя, как звезды потухали.
Шурша шершавым языком,
Они, как матери, вздыхали...

Конец 1938

ОХОТА НА МАМОНТА

Я спал на вокзале.
Тяжелый мамонт,
Последний,
шел по болотам Сибири.
И камень стоял. И реки упрямо
В звонкие
берега
били.

А шкуры одежд обвисали.
В налушнах
Стрелы торчали. И было слышно:
Мамонт идет по тропам непослушным,
Последний мамонт идет к водопою.

Так отступают эпохи.
Косые,
Налитые кровью и страхом глаза.
Под закосневшим снегом России
Оставив армию,
уходит на Запад.

Но челюсть разорвана криком охоты.
Кинулось племя. В руках волосатых
Свистнули луки, как птицы...

И кто-то
Уже умирал
на топях проклятых.

И вдруг закричал
последний мамонт,
Завыл,
одинокий на всей земле.
Последним криком своим и самым
Угрюмым и долгим
кричал зверь.

Так звал паровоз в ледниковой ночи,
Под топот колес,
неуемно,
грозно...

Мы спали тогда на вокзале тифозном
И там же кончались
при свете свечи.

1939

СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Отмерено добро и зло
Весами куполов неровных,
О византийское чело,
Полуулыбка губ бескровных!

Не доводом и не мечом
Царьград был выкован и слеплен.
Наивный варвар был прельщен
Его коварным благолепьем.

Не раз искусный богомаз,
Творя на кипарисных досках,
Его от разрушенья спас
Изображеньем ликов плоских.

И где пределы торжеству,
Когда — добытую жар-птицу —
Везли заморскую царицу
В первопрестольную Москву.

Как шлемы были купола.
Они раскачивались в звоне.
Она на сердце берегла,
Как белых ласточек, ладони.

И был уже неоспорим
Закон меча в делах условных...
Полуулыбкой губ бескровных
Она встречала Третий Рим.

1941

ПРОЩАНИЕ

Я вновь покинул Третий Рим,
Где ложь рядилась в ризы дружбы,

Где грубый театральный грим
Скрывать нет поводов и нужды.

А я готов был метров со ста
Лететь, как мошка на огонь,
Как только Каменного моста
Почуял плиты под ногой.

Здесь так живут, презрев терновники
Железных войн и революций —
Уже мужья, уже чиновники,
Уже льстецы и честолюбцы.

А те друзья мои далече,
Узнали тяжесть злой стези,
На крепкие прямые плечи
Судьбу России погрузив.

Прощай, мой Рим! Гудок кричит,
Вправляя даль в железную оправу.
А мы еще придем, чтоб получить
Положенное нам по праву!

СЛОВО О БОГОРОДИЦЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

За тучами летучими,
За горами горбатыми
Плачет Богородица
Над русскими солдатами.
Плачет-заливается за тучкою серой:
«Не служат мне солдаты правдой и верой».

Скажет она слово —
лист золотится;
слезу уронит —

звезда закатится.

Чует осень долгую перелетная птица.

Стояли два солдата на посту придорожном,
ветром покрыты, дождем огорожены.

Ни сухарика в сумке, ни махорки в кисете —
голодно солдатам, холодно им на свете.

Взяла их Богородица за белые —
нет! —

за черные руки;

в рай повела, чтоб не ведали муки.

Привела их к раю, дверь отворила,
хлеба отрезала, щей наварила;

мол, — ешьте, православные, кушайте досыта,
хватит в раю

живности и жита.

Хватит вам, солдатам, на земле тужити,
не любо ль вам, солдатам, мне послужити.

Съели солдаты хлеба по три пайки.

Жарко стало — скинули «куфайки».

Закурили по толстой.

Огляделись в раю.

Стоит белая хата на самом краю.

И святые угодники меж облаками

пашут райскую ниву быками,

сушат на яблонях звездные сети...

Подумал первый солдат

и ответил:

«Век бы пробыть, Мати, с тобою,

но дума одна не дает покою, —

ну как, Богородица,

пречистая голубица,

бабе одной с пятерыми пробиться!
Избу подправить, заработать хлеба...
Отпусти ты меня, Пречистая, с неба».

И ответил другой солдат —

Тишка:

«Нам ружьишки — братишки,
сабли востры — родные сестры.
И не надо, Богородица, не надо мне раю,
когда за родину на Руси помираю».

Не сказала ни слова, пригорюнилась
Пречистая.

И опять дорога.

Опять поле чистое.

Идут солдаты страной непогожею.

И лежит вокруг осень
мокрой рогожею.

Октябрь 1942—1943

КАТЕРИНА

1

Баян спасает от тоски,
Но не спасает от печали,
Когда поет, как казаки
Дружка убитого встречали.

Есть где-то в мире Бах и власть
Высокой музыки над сором.
Органа ледяная страсть
Колючим восстает собором.

Той музыке не до любви!
Она светла и постоянна!
О руки белые твои,
О скомороший визг баяна!

Кривляется горбатый мех,
Дробится в зеркальце лучина.
И только твой счастливый смех
Я вдруг услышал, Катерина.

2

В стихах господствует закономерность,
Как в подвижном строении светил,
Как будто с мерным замыслом Гомера
Господь свое создание сличил.

И облака российского ненастья
Теряют вид нестираных рубах,
И горький ветер зла и разногласья
Приобретает старость на губах.

И бытия растерзанная глина
За столько лет, наверное, впервой
В твоём саду, родная Катерина,
Неосторожной поросла травой...

1944

В ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Вот когда припомнились друзья!
Вот когда пошли терзать разлуки!
Вспомнили про души — ведь нельзя,
Чтоб всегда натянуты, как луки.